

Все было по-другому. Сюрреалистично. То, как мир прогибался и склонялся, приводило Сайласа в ярость. Он ничего не делал, только стоял на его пути, как стена без лестниц, не давая ему прохода. Но для нее здесь были не только лестницы, но и ворота и двери, распахнутые настежь. Где бы она ни шла, снег таял сам по себе. Он расступался, как море, создавая путь для нее.

Ей не нужно было ничего делать - ни для чего. Там, где она шла, ей попадались съедобные растения, которые каким-то образом росли в условиях смертельной зимы. Она встречала свежие трупы оленей, кроликов, всевозможных странных существ, которых Сайлас никогда раньше не видала. Мир любил ее и плел сказку о том, что она никогда не будет бороться.

Идти за ней было все равно, что идти за самим Богом, потому что все желания и стремления немедленно исполнялись. Чудеса происходили слева, справа и в центре, и ей не нужно было ничего делать. Она была благословлена, а он был проклят. Это возмущало его. Раздражало его. И в то же время это восхищало его.

Он понял, что быть любимым миром - это прекрасно, это великолепно. Она вечно сияла и рождала нечто, не поддающееся описанию. Все, что ему было нужно, - это всего лишь часть этого. Всего лишь веточка. Даже не целая ветка. Но вместо этого он не только ничего не получил, но и был наказан. Избили. Пели и ошпаривали. Мир швырял в него огнем, а в нее - мелодичными песнями. И их пели сами ангелы.

"Вот, приготовь нам снова обед", - сказала она, указывая не только на свежий труп странного, восьминогого, похожего на волка животного, которого Сайлас никогда раньше не видел, но и на целый набор невероятно сухих дров. В разгар зимы.

"Что это?" - спросил он.

"Это койлер", - объяснила она. "Его ноги ядовиты и несъедобны, но его печень~~юум. Одна из самых вкусных вещей, которые я когда-либо ела".

"..." не говоря ни слова, Сайлас отложил в сторону наполненные кувшины с вином и принялся за дело.

Она пообещала, что проведет его через лес в ближайшую деревню, поскольку хотела помочь. Хотя он намеревался лишь подшучивать над ней некоторое время, чтобы побольше узнать о внутреннем мире Пророка, в первый же день он понял, что они без проблем доберутся до деревни. На самом деле, он подозревал, что в летнюю стужу дорога не была такой хорошей. Одно ее присутствие устраняло все, что было сломано.

"Ты ревнуешь?" - спросила она с ухмылкой, положив голову на руки, сидя и наблюдая за ним.

"Очень", - ответил он, разжигая костер двумя камнями над тонкими и сухими ветками.

"Мир очень добр ко мне", - сказала она.

"Это преуменьшение века", - сказал он. "Мир не добр к тебе. Он поклоняется тебе. Мне говорили, что все пророки были безумцами, сломленными мужчинами и женщинами, которые с младенчества слышали ужасные кошмары и умерли, не успев стать взрослыми, в основном из-за членовредительства. И все же, вот и все".

"... ты не ослышался", - сказала она. "Я тоже их слышу, понимаешь?".

"..."

"Я слышала твои, неоднократно".

"И все же ты жива и любима", - сказал он, начиная снимать шкуру со зверя согласно ее объяснениям.

"Любима... хм, скорее компенсировал, я полагаю?" - сказала она, прислонившись спиной к внезапно расцветшему дереву. Мертвые ветви внезапно наполнились жизнью, листья и плоды выросли так красиво, как будто вся весна прошла за несколько секунд. "Мы не такие уж разные - нет, это несправедливо по отношению к тебе. Ты переживаешь кошмары, а я лишь слышу и иногда вижу их. Но я их тоже вижу, знаешь ли."

"А где же моя компенсация?"

"Но ты не Пророк?" - усмехнулась она.

"... так было всегда?" - спросил он.

"Хм", - кивнула она. "Вот почему мои мама и папа оставили меня в лесу, когда мне было всего четыре года. Они боялись, что жители деревни узнают обо всех странных явлениях, которые происходили вокруг меня".

"... Мне жаль".

"Я понимаю их. Они делали то, что считали лучшим для остальных членов семьи".

"... все еще", - сказал Сайлас, вытаскивая из зверя то, что выглядело как печень. "Ни один ребенок", - пробурчал он, немного потяжелев, так как она оказалась намного тяжелее, чем он ожидал. "Должно пройти детство без любви".

"Меня любили. Только не они, я полагаю".

"Верно. Нет большей любви, чем любовь всего мира. Что? Мертвые, приготовленные птицы упали с ясного неба?"

"... ты горький", - сказала она с усмешкой.

"Я думал, это было установлено", - Сайлас боролся с прорезанием печени, ему пришлось использовать энергию и меч, так как нож был слишком туп для этого. "Куда ты пошла потом?"

"Я брожу", - сказала она. "То здесь, то там. Куда бы ни занесли меня ветры".

"Какими ветрами тебя сюда занесло?" - спросил он, глядя на нее.

"Я видела мертвых", - сказала она. "Целое море. А потом я увидела, как свет изгнал их. Мне стало любопытно. Просто... Я не знала, что свет примет форму горького, издерганного человека, который не брился несколько месяцев".

"В отличие от твоего представления о "героях", - сказал он. "Большинство настоящих героев заканчивают именно так".

"Возможно", - лениво протянула она. "Но всех ли их сопровождает симпатичная девушка?"

"... да, вообще-то", - сказал он. "Да. С самого начала, на самом деле".

"Ха-ха-ха, тогда прошу прощения. Но в свою защиту - даже сейчас я иду против желаний моей Богини. Разве это не считается хоть за что-то?"

"Я не знаю", - сказал Сайлас, наконец закончив приготовления и положив куски печени в кастрюлю, пока он начал резать различные овощи, которые просто случайно упали с неба перед ними. "Все зависит от того, насколько мстительны здешние боги".

"Очень", - сказала она. "Вместо того чтобы мстить, они... воинственны. В конце концов, мы во многом похожи на них".

"Каким богам поклоняются мертвые?"

"Только один".

"Смерть?"

"Это одно из имен, да", - сказала она, глядя на небо. Странно, но хотя оно было пепельно-серым, прямо над ней... светило солнце и спускалось тепло. "Некоторые называют его Пассажиром, некоторые - Носителем, некоторые - Жнецом, некоторые - Озаряющим, некоторые - Спасителем. Ему поклоняются не только мертвые".

"А как же тогда лань и ворон?" резко спросил Сайлас, хотя его вопрос, казалось, не удивил ее.

"А что с ними?"

"Они не боги смерти?".

"Хм..." она с улыбкой посмотрела на него, казалось, раздумывая. "Перед этим ты должен сначала спросить себя: что такое боги?".

"... э-э, всемогущие существа, контролирующие мир?"

"Ха, вряд ли", - покачала она головой. "Боги - это молитвы, произнесенные в бытие. Это... немного просто, но со временем ты узнаешь о них, я полагаю. Они обладают великой силой, правда, и повелевают мужчинами и женщинами и законами, которые связывают нас... но они не всемогущи. Боги постоянно умирают, как и мы".

"..."

"А вот они - нет", - добавила она. "Сказки и истории о них тянутся с тех пор, как появилось первое слово, написанное или произнесенное. Впрочем, не только о них".

"А?"

"Точно так же, как у каждого Бога есть много имен", - объяснила она. "У них, и таких, как они, тоже много имен. Большинство просто называют их Бессмертными, для простоты. Мы... мы не знаем, что они такое. Или кто они. Или даже как они существуют. Они просто... есть. По большей части, они не взаимодействуют с нашим миром. Мы, как люди, так и боги, понятия не имеем, чем они занимаются. Мы просто надеемся, что они делают это без вреда для нас. Лань и ворон появляются чаще всего, но не принимай их формы и очертания за истину".

"... этот мир действительно сложен, да?" пробормотал Сайлас, закончив приготовления и бросив все в котел, чтобы вскипятить его на огне.

"... для нас, возможно", - сказала она. "Для большинства это простой вопрос выживания и поиска моментов для жизни между ними. Немногие беспокоятся о мертвых и богах, и еще меньше - о Бессмертных".

"Ты как банк знаний", - со вздохом сказал Сайлас, тоже садясь. "Где ты была всю мою жизнь?"

"О мой ~~"

"О, вытащи свою голову из канавы".

"Ха-ха-ха", - свободно рассмеялась она, хлопая себя по босым ногам. "Извиняюсь, извиняюсь. Но я была занята своими делами, понимаешь?"

"..." Сайлас замолчал, достал кувшин с вином и отпил полный рот. "Как ты можешь так смеяться?" - спросил он после минутного молчания.

"Например?"

"Как будто ты поешь песню".

"... есть ли другой способ посмеяться?"

"Тот, где ты пытаешься изгнать всех своих демонов одним махом?"

"Это звучит очень похоже на вой и совсем не похоже на смех".

"Скажи мне", - внезапно посмотрел он на нее. "Ваши боги когда-нибудь исполняют молитвы?"

"..."

"..."

"Ты не можешь их исправить".

"... почему бы и нет?"

"Потому что исправить кого-то - значит отдать часть себя".

"Значит, есть шанс?"

"Нет", - покачала она головой. "Молитва, которая велика, должна быть бескорыстной".

"А моя - нет?!"

"Ее подпитывает чувство вины", - сказала она. "Сожаление. Боль. Ты не можешь мученически простить себя, Сайлас. Кроме того, ты должен больше доверять им".

"Доверять им больше?" - спросил он, помешивая рагу.

"Они не сломанные игрушки, которые нужно склеить своими виноватыми слезами. Верь в них".

"Бывает ли вообще бескорыстная молитва?" - спросил он.

"... они есть", - мягко сказала она. "Но ни ты, ни я не из тех людей, которые могут их создать".

"Кто же тогда может?"

"Дети".

"..."

"Незапятнанные", - продолжала она, глядя вверх. "Те, кого не трогает реальность вещей. Незапятнанные".

"Хаа", - вздохнул Сайлас, делая еще один глоток вина. "При всей причудливой магии, окружающей тебя, ты - носитель депрессии, не так ли?"

"О, ничего себе, вот это укус! Что ты имеешь в виду?! Я ведь приношу радость и смех, не так ли?".

"Ну, ты забавно выглядишь, я полагаю".

"..."

"Я шучу".

"Конечно, ты, медвежонок".

"Если ты собираешься оскорбить кого-то, ты должен быть лучше в этом".

"Как ты?"

"Ну, я действительно глубоко залезла. В отличие от тебя, который не смог даже почесать смешную косточку".

"... просто заткнись и продолжай готовить, весельчак".

"Да, да..."